

Анатолий Егин

**Повести
о совести**

*Повести
и рассказы*

Волгоград
2017

ББК 84(2Рос-4Вор)6-442
Е29

Егин, Анатолий Иванович.
Е29 Повести о совести: повести и рассказы / А. И. Егин. — Волгоград: Издатель, 2017. — с.
ISBN

Само название книги «Повести о совести» предвосхищает ее содержание. Как поступить в сложной жизненной ситуации? По совести или пойти на сделку с ней? И это тоже вопрос нравственной составляющей каждого персонажа книги А. Егина.

ISBN

© ГБУК «Издатель», оформление, 2017
© Егин А. И., 2017

ПЕЧЕНЬЕ С МАСЛОМ

Повесть

Часть первая

СТУДЕНТ

Профессора Шинкаренко разбудил страшный сон. Виталий Карпович присел на кровати, глубоко вдохнул, выдохнул, глянул на будильник — четыре часа утра. Слегка успокоившись, профессор положил голову на подушку и начал вспоминать свой сон. Да! Да! Это точно было с ним утром 24 января 1944 года. Ему тогда было почти двадцать лет, он старший лейтенант командир пехотной роты, стоял со своими бойцами в окопе в ожидании атаки. И вот она, зеленая ракета, разносится боевой клич командиров:

— В атаку! За Родину! За Сталина!

Виталий одним махом преодолел бруствер окопа и, увлекая за собой роту, понесся по твердом, слежавшемся снегу. Уже видны передовые укрепления фашистов, немцы совсем рядом, но в это время какая-то неведомая сила резко поднимает старшего лейтенанта вверх, несколько раз переворачивает и со всей своей взрывной мощью бросает на мерзлую землю. На Шинкаренко падают комья мерзлой земли, почти засыпая его тело, а он лежит ни живой и ни мертвый, ничего не видит, ничего не слышит. Командир роты не знает, что бойцы 110-го стрелкового корпуса за несколько часов освободили город Пушкин, тем самым полностью разорвав кольцо блокады Ленинграда.

Уже далеко за полдень по полю боя пошли санитары и похоронная команда, над Шинкаренко склонился пожилой боец, внимательно посмотрел и закричал:

— Ребята, давай сюда! Этот старлей еще жив! Смотрите, вокруг носа иней, значит, дышит.

Раненого погрузили на носилки и — в медсанбат.

Но Виталий Карпович ничего этого не знал, не помнил, что с ним случилось, он не помнил даже начала этого страшного дня, только этой ночью амнезия отступила и спавшая пятьдесят лет память выдала все, что произошло с ним в самый страшный день его жизни.

Больше недели Шинкаренко лежал, как колода, в глубокой коме, ни на что не реагируя. Врачам дарил надежду только слабый болевой рефлекс. Медсестры кормили его через зонд, капали в вену растворы. Лишь к концу второй недели пациент открыл глаза, увидел, как над ним склонилась сестричка, пришли врачи, они что-то говорили, но Виталий не слышал, не мог говорить, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Однако с той поры он начал запоминать все, что с ним происходило, помнил как долго его везли в санитарном поезде, а куда, не знал. Правда, и волнения не было, то ли оттого, что мозг пока был в состоянии торможения, то ли он понимал, что рядом с ним были свои, советские люди, а это всегда хорошо.

Дальше был эвакогоспиталь на Урале, организм Виталия начал потихоньку оживать, он садился в постели, держал в руках ложку, писал карандашом свои просьбы и пожелания, письменно отвечал на вопросы докторов. Старлей радовался, медики тоже были полны оптимизма. Лишь только к концу марта, проснувшись утром, молодой офицер услышал капель.

«Не может быть!» — промелькнуло в голове больного.

Толкнул ногой табуретку, та упала, громко стукнув о половицы. Шинкаренко захотелось громко крикнуть «ура», но прозвучало лишь мычание. Это ввергло Виталия в уныние, но его сомнения развеял доктор, такой солидный в очках, которого все называли профессор:

— Восстановление речи, молодой человек, неизбежно, раз вы слышите, значит, будете говорить. Науке пока неизвестно, почему у вас с возвращением слуха не вернулась речь, однако, практика подсказывает мне другое, — тут профессор повернулся к сопровождающим его на обходе докторам и спросил: — Знаете ли вы, коллеги, что наш пациент закончил первый курс Сталинградского мединститута? Не знаете. А надо бы знать, ибо у всех медиков и их ближайших родственников болезни текут шиворот-навыворот, совсем не так, как у остальных смертных. Так что наш будущий доктор будет говорить, когда, не знаю, но думаю, что скоро. Будьте здоровы, коллега, рад буду встретиться с вами лет эдак через десять-пятнадцать.

Виталий был на десятом небе. Он видел, он слышал и речь скоро вернется. Сказал профессор, вернется, значит, вернется!

Шинкаренко начали делать различные электропроцедуры, массаж, назначили ванны, но и к середине мая речь не возвращалась. Доктора старались, но эффекта не было, несмотря на то, что были применены все лучшие на то время методы лечения.

Настала пора выписки, старшего лейтенанта комиссовали, установили инвалидность и отправили на родину в Николаевскую слободу, что на

левом берегу Волги, напротив города Камышина, в двухстах километрах от Сталинграда.

Дорога прямая, поездом до Сызрани, потом парходом по Волге-реке. И вот Виталий в родной слободе, идет по своей улице к дому, отвечает соседям на приветствие кивком да взмахом руки. Он уже видит большой дом с вывеской «Чайная». Это его дом, который построил дед Пётр Григорьевич, в нем был самый знатный шинок на переправе через Волгу, а предки Виталия из рода в род со середины восемнадцатого века были шинкарями.

В те стародавние времена по приказу императрицы Елизаветы Петровны на озере Эльтон открылись соляные прииски и был основан чумацкий шлях, по которому тянули волы тяжелые кули с солью. Путь по выжженной солнцем степи к Волге шел не по прямой, а мимо небольших озер и луговин, где можно было устроить отдых и водопой волам и чумакам. Вот так и тянулись обозы по набитой колее под ярким солнцем, жгучим ветром, дождем или мокрым снегом и неслась в небо напевная, печальная украинская песня, ибо на шляхе работали в основном малороссы, перевозя дорогой продукт на бессолевую родину. Нелегко приходилось людям, привыкшим жить в тихих плодородных степях, и потому с радостью приходили они в Николаевскую слободу, которая встречала их своими банями, салом, варениками да доброй горилкой. Люди и животные с удовольствием отдыхали перед непростой переправой на Камышин.

Шинкаренки жили сытно и безбедно, работать не ленились, оттого в доме водилось все, что нужно для постояльцев. Об их хлебе, сале, квашеной капусте по шляху рассказывали байки, об их горилке, от которой не болела голова, причмокивая, мечтали чумаки. Двор их никогда не пустовал, наполнялся шумом и гамом веселящихся гостей.

В 1917 году случилась революция, советская власть устроила гонение на богатеев, сообразительный дед Виталия и здесь не промахнулся, отдал властям свой шинок, который переименовали в чайную, а бывшего хозяина назначили директором этого заведения общепита. В чайной столовались и приходили переночевать туда разного калибра советские и партийные начальники, причем бывали такие гости довольно часто, ибо основная дорога от Астрахани на север шла по Заволжью, а Николаевскую слободу никак не объедешь.

Виталий родился в феврале двадцать четвертого года, отец хотел назвать его в честь деда Петром, но ночевавший у них заместитель председателя губернского исполкома возразил:

— Не принято сейчас называть детей в честь всяких там апостолов. Имена детям нужно давать жизнеутверждающие. Вот к примеру, Виталий — это значит жизненный.

Вот так и стал первый сын Карпа Петровича Шинкаренко Виталием. Мальчишка рос здоровым, крепким и сообразительным, любил наблюдать за животными, прислушивался к разговорам взрослых. Вечером малец заберется на русскую печку и смотрит, как угощают знатных гостей тем, что в семье бывает на столе только по праздникам. Слюнки текли у дитяти, когда он видел, солидные дяди ели домашнюю колбасу. Он видел, какие им стелили постели — пуховые перины и подушки, облаченные в накрахмаленное белье. Наблюдал Виталик и мечтал стать начальником. Мечтал сладко есть и пить и поменьше работать, полагая, что эти дядьки только и делают, что пьют водку, смачно едят, а потом спят сколько угодно, а когда спят, все ходят на цыпочках, не дай бог разбудить. Вот это жизнь!

Второго июня сорок четвертого года после двухлетней разлуки с родителями старший лейтенант в отставке Шинкаренко перешагнул порог родного очага. Мама Галина Прокофьевна, всплеснув руками, медленно села на стул:

— Виталик, мий сынку! Жывый, мий ласковый!

Сын крепко обнял мать и поцеловал в уста.

— А ты шо, сынку, с мамой целуешься мовчки? Немый, чи шо?

Виталий только промычал в ответ и принялся целовать мамины руки.

— Сгубылы! Такого гарного хлопчика сгубылы! Да шоб ни дна ни покрышки не было этому проклятому Гитлеру, чтоб черти его на сковороде жарили, шоб черви его тело сгноили! Шо с тобой, сынку? Шо с тобой зробылы? — запричитала мать.

Виталий вытащил блокнот, карандаш и написал родителям все то, о чем говорили ему доктора. Отец, который после смерти деда стал руководить чайной, прочел вслух объяснение сына и спросил:

— А слышать-то ты слышишь?

Виталий кивнул.

— О це добре! Раз слух е, то и разговор прийде. Так, мать, я пошел закрывать чайную, а ты на стол собирай, сына встречать будем, да не просто сына, а офицера-орденоносца. Родно и соседей до стола позвать не забудь.

Гуляли с размахом до поздней ночи. Что-что, а харчи у Шинкаренков водились всегда. Их чайную снабжал райпотребсоюз и ОРС речфлота не забывал, потому как в самые тяжкие дни Сталинградской битвы в Николаевскую слободу эвакуировали часть партийный и советских учреждений из Сталинграда, и сотрудники их питались в чайной, так что запасы были. По случаю возвращения сына все лучшее стояло на столе, а к закуске водка казенная и своя горилка была в достатке. Выпивали за Победу, за товарища Сталина, за нашу Советскую Родину и, конечно, за здоровье Виталия. За хорошим столом, да еще и с радостью, без песен

нельзя, пели украинские и русские песни, от души плясали под задорные мелодии гармошки, радость светилась на лице каждого, у одних по случаю возвращения родного человека, у других от ощущения праздника, которого во время войны почти не было.

Подвыпившая вдовая соседка Верка Полторак долго косила глаза на Виталика, а потом потянула танцевать. Ох, и лихо плясали они, ох, и горяч был танец, молодые энергичные тела соприкасались друг с другом, казалось, искры летали между ними, огонь вот-вот соединит, сольет их в одно целое, но до этого не дошло, хотя очень уж прозрачный намек наш немой получил.

На следующий день отец с сыном говорили о работе. Карп Петрович предложил оформить Виталия истопником в чайную, а когда восстановится речь, будет видно. Сыну деваться было некуда, где он, немой, еще устроится, кто инвалида на работу возьмет, а дома печь так и так топили каждый день, пищи готовили немало, посетителей было хоть отбавляй, вот сын и поможет родителям, да при этом зарплата и карточки продовольственные, что по тем временам значило очень много. Так и потянулись послефронтные дни инвалида — печь, дрова, огород, бахча, корм для скота, день да ночь сутки прочь. Хотя ночи — это отдельно, по ночам Виталий до утра был у Веры и оба были довольны, если не сказать, счастливы.

Мать была возмущена поведением сына, но отец осек:

— Уймись, Галю! Парень молодой, може, и на пользу пойде. От ласки бывает не только языки развязываются, а и кое-что другое молодеет. Как же ты не знаешь, что молодость — лучшее лекарство от всех болезней. Заговорит наш сын, обязательно заговорит, а как заговорит, он эту Верухимеру и сам бросит. Виталия мне тут недавно записку написал, что, как заговорит, сразу поедет в институт учебу продолжать.

Галина Прокофьевна приутихла, однако при случае Верку шпыняла, не привечать же ее, стерву, а то подумает, что Виталик с ней навсегда останется.

Отставной старлей и без того быстро насытился Веркой, но та была неугомонна, каждую свободную минуту тянула его в постель, молча брала, что хотела, крича от удовольствия, потом откидывалась и блаженствовала, не произнося ни слова. А Виталию было обидно, он хотел, чтобы его ласкали, восхищались его мужской силой, хвалили, гладили, а главное, делили с ним боль, его боль, его тоску, которая утихла только во сне, а утром появлялась вновь, когда вместо слова он мог произнести только му да ма. Боль-тоска проникала глубоко в сердце, в душу и рвала, терзала все внутри молодого организма. Шинкаренко-младший все чаще по вечерам убегал на Волгу, смотрел, как солнце падало за взгорья правого берега,

как в сумерках бескрайней заволжской степи всходила луна, как она поднималась все выше и выше, светила все ярче, оставляя на глади великой реки серебристую дорожку, в которой купалась рыба, иногда высоко подпрыгивая над водой, будто пыталась погреться в лунном свете. Парень смотрел на луну, пытался с ней говорить, и она вселяла в него какую-то надежду и тихую радость. Слезы текли по щекам Виталия, он немного успокаивался и потом хорошо засыпал.

Лето пролетело, наступил сентябрь, месяц в этих краях теплый, тихий, светлый и недождливый. Радовало изобилие овощей и бахчевых культур. Мать-река Волга на своих водах несла дары Заволжья по всей России аж до Урала. В один из теплых сентябрьских вечеров Виталий сидел на лавочке у ворот и наблюдал, как, спеша к реке, пылили ЗИСы и полуторки, важно и неспешно топтали пыль огромные волю, тянувшие перегруженные спелыми плодами арбы к баржам. Рядом со двором Шинкаренко играла со щенком пятилетняя Ира, дочь Верки. Щенок бегал за девочкой, ластился к ней, потом убежал, та бежала за собачонкой, которая останавливалась, пытаясь лаять. Вот так малыши и бегали друг за другом от двора к двору, но вдруг неразумная тварь понеслась через дорогу, а девочка за ней. Виталий краем глаза заметил, что на них на большой скорости несется груженный ЗИС. В три прыжка натренированные за лето мышцы старшего лейтенанта донесли его до девочки, он схватил дитя и, мощно оттолкнувшись от земли, полетел на другую сторону дороги, а щенок оказался под колесами, только что начавшей тормозить машины. Виталий поднялся, стряхивая пыль с одежды, успокаивал до смерти напугавшуюся Иру. Водитель машины вылез из кабины и пьяной, шатающейся походкой пошел на Шинкаренко.

— Ты что, баран, за детьми не следишь? Убилась сейчас бы девочка, рядом с собачонкой под колесами лежала!

Виталий закипел, покраснел и точным ударом в нижнюю челюсть положил «водилу» в дорожную пыль.

— Сам свинья пьяная! Сам баран безмозглый! Я сейчас и милиционера позову. — И заорал наш инвалид во всю мощь: — Потапыч, а ну выйди на улицу. Я тут тебе преступника приготовил!

Старший сержант милиции Иван Потапович Недоля будто ждал этого вызова, вышел из своего двора по полной форме, глянул на происходящее:

— А кто меня звал? Ты, что ли, Виталька?

— Ну, я! — ответил тот, начиная понимать, что заговорил. — Я! Я звал, Потапыч! Ты посмотри на эту скотину пьяную, чуть Ирку не задавил.

— Так это мы моментом оформим, Виталий Карпович, тем более ты теперь у нас полноценный свидетель.

Водитель машины после всего услышанного моментально протрезвел и взмолился:

— Простите, братцы! Христом богом прошу, простите! Хватил дурень лишнего на дармовщинку. А ведь теперь посадят. А детки мои как? Жена у меня недавно умерла. Простите, мужики, и ты, деточка, прости!

Виталий посмотрел на бедолагу и улыбнулся:

— А может, и, правда, простим? А, Потапыч? Он ведь и доброе дело сделал, меня от немоты вылечил. Давай простим его.

— Ну как скажете, товарищ старший лейтенант. Только ЗИС его я сам на пристань отгоню, а он разгрузится и пускай проспится.

Шинкаренко быстро проводил девочку до ее двора и полетел домой. Не успев перешагнуть порог, закричал:

— Мамо! Тату! Идите до мэнэ!

Первой прибежала мать.

— Сынку, неужели ты звал?

— Я, мамо, я!

Слезы радости потекли по щекам матери. Отец тоже вытирал глаза.

— Так, что, мать, может, закроем чайную на ревизию?

— Да, погоди ты, чертяка. Погоди! Пусть Виталик хотя бы несколько дней поговорит, то, кто его знает, что завтра будет.

— Завтра будет еще лучше балакать. Точно говорю, будет. Чуешь, чи ни?

— Мамо, тату, давайте действительно дня через три гостей соберем, за одно и проводы мне устроим.

— Каки таки проводы? — хором спросили родители.

— В институт меня провожать будете.

— Да ты бы отдохнул, сынку, отлежался. Твоя дурацка учеба как бы не навредила тебе.

— Батьки, ридны мои, учеба никогда дурацкой не бывает и чем раньше я к ней приступлю, тем легче учиться будет. Гляньте, уже сентябрь заканчивается, если тянуть дальше, догонять упущенное труднее будет.

* * *

Двадцатого сентября Виталий Шинкаренко был в Бекетовке, в одном из южных районов Сталинграда, там, в только что восстановленном трехэтажном здании недалеко от СталГРЭС расположился учебный корпус медицинского института. Новоявленный студент остановился перед кабинетом ректора, постучал, никто не ответил. Проходящая мимо женщина, по виду преподаватель, сообщила:

— Товарищ старший лейтенант, нет ректора, и сегодня не будет. А вы по какому вопросу?

— Да вот демобилизовался, восстановиться в институте хочу, на второй курс.

— Так вы к декану зайдите, он в шестом кабинете.

Декан доцент Попов внимательно читал документы Виталия.

— Ну что ж, я рад, что наши студенты возвращаются в родные пенаты. Позвольте вас спросить, товарищ Шинкаренко, вы заговорили неделю назад, не так ли?

Студент удивленно посмотрел на декана:

— А вы откуда знаете?

— Видите ли, доктор, — улыбнулся Попов, — вы только начинаете свой врачебный путь, а я уже практикую более двадцати пяти лет и научился не только медицинские справки читать, но и мыслить логически, что в нашей профессии имеет большое значение. Если бы у вас речь восстановилась летом, мы с вами беседовали бы в августе, а так встретились в конце сентября. Возвращение всех функций головного мозга это еще не есть его полное выздоровление, он пока «чихает и кашляет», как выздоравливающий после гриппа больной, его поберечь нужно.

У Виталия внутри все похолодело, и ослабли ноги.

«Ну, все, — подумал он — не восстановят!»

Доцент Попов заметил волнение собеседника.

— Нет-нет, не переживайте, я вам не отказываю, но у меня есть предложение, которое, полагаю, пойдет вам на пользу. Я, думаю, вам нужно начать учебу вновь с первого курса. Во-первых, вспомните, что забылось за два года, во-вторых, закрепите знания, экзамены будете сдавать только при желании улучшить свои прошлые оценки. Вам, мой дорогой, не придется перенапрягать свой мозг, догоняя пропущенное за сентябрь. А за год много воды утечет. Вы у нас еще отличником будете.

— Я согласен! — выпалил Шинкаренко. — Вы правы. Спасибо вам, огромное спасибо!

— Тогда поступим так, — декан открыл журнал, — определим вас, товарищ старший лейтенант, в группу номер семь. Там у нас в основном молодежь со школьной скамьи, староста только фронтовик, Олег Боголюбов. Согласны?

— Согласен. Вам виднее.

— Вероника Петровна, — обратился Попов к сотруднице, сидящей за соседним столом, — выпишите студенту первого курса Шинкаренко направление в общежитие. А вам, Виталий Карпович, желаю успехов в учебе. До скорой встречи.

В разнесенном войной в пух и прах Сталинграде были сотни проблем, но самая острая — жилье. В северных заводских районах и центральной

части город был полностью разрушен, люди, возвращавшиеся к родным пепелищам, селились в подвалах, рыли землянки, ставили хлипкие временные домишки, а сами восстанавливали заводы, чтобы производить оружие.

Работали под лозунгом «Все для фронта! Все для Победы!» Административная и культурная жизнь почти полностью переместились в Бекетовку и Сарепту, где частично сохранились здания, больницы, дома культуры и школы. Рядом с уцелевшими зданиями строились бараки без всяких удобств, но даже такое жилье в Сталинграде считалось хорошим.

Для общежития мединститута было отведено четыре барака, в которых жили преподаватели и студенты. Шинкаренко прибыл к коменданту общежития, доложил по полной форме, отдал направление. Сухопарый небольшого росточка старичок крикнул, почесал затылок:

— Койку с матрацем я тебе найду, а вот куда ее поставить, ума не приложу. Ты, соколик, в какую группу определен?

— В седьмую, — отрапортовал старлей.

— Ну, вот теперь понятно. Будешь жить в одной комнате со своим старостой Олегом Боголюбовым. Это на втором этаже, угловая справа.

В комнате площадью двадцать квадратных метров стояло пять коек, по две у боковых стен, одна у окна. Кровать для Шинкаренко поставили тоже у окна впрыток к пятой, так, чтобы справа и слева остались узкие проходы, круглый стол и табуретки подвинули ближе к двери, свободное пространство резко сузилось.

— Ничего, в тесноте да не в обиде. Вот отстроим город, вы врачами станете, тогда и заживете в хороммах, а пока так. — И увидев, что Виталий оглядывается, ищет куда повесить шинель, которая была по-армейски в скатке, добавил: — Платяные шкафы на стенах. Гвозди видишь?

Вечером собралась однокурсники, обитатели комнаты — трое хилых, слабых здоровьем, которых не призывали в армию, двое фронтовиков, демобилизованных по ранению. Из всех выделялся Олег Боголюбов, капитан артиллерии, командир дивизиона, бравый на вид, лицом писанный красавец высокого роста, но прихрамывал на левую ногу, потому ходил с тростью.

— Наш брат фронтовик? — спросил Боголюбов.

— Так точно, товарищ капитан. Командир роты, старлей пехоты. Демобилизован после тяжелой контузии.

— Ты что-то припозднился, друг любезный, мы уже все позвонки и кости выгучили, сегодня к мышцам перешли, догонять не просто будет.

— Это смотря кому кого догонять. Я ведь первый курс в сорок втором году закончил.

— А что не на второй курс пошел?

— Repetitio est mater studiorum*. Так говорили древние и декан Попов. Я, ребята, после январской контузии только десять дней назад разговаривать начал.

— Вот и слава богу, что начал. А ну, товарищи инвалиды, к столу, попьем чаю и за уроки.

— Ты что, Олег, всех ребят инвалидами кличешь? Ну ладно мы с тобой.

— Все, Виталий, здесь инвалиды, все. Я хромаю, у Саши Юрова в легком пуля сидит, у Володи Быстрова одна рука короче другой с рождения, у Пети Лютого порок сердца. К Сергею вон присмотрись, без глаза парень. Так что все и есть инвалиды. Здоровые ребята фашистов бьют и добьют скоро, а наше дело стать хорошими докторами, чтобы здоровье им поправлять потом.

Сели за стол, Шинкаренко достал из рюкзака домашние припасы, плюшки и ватрушки, через пять минут от них и крошки не осталось. Здесь было все, как на фронте, хоть хлеба горбушку и ту пополам, а если вдруг кому-то что-то перепало от родных, делили на всех. Правда, перепало крайне редко, вся страна продукты приобретала по карточкам и все по минимуму, ибо главное было — накормить тех, кто воевал. И никто не роптал, даже самые отпетые пессимисты понимали, что нашу Красную Армию уже никто не остановит, победа близка, и каждый старался внести свой посильный вклад в главное дело Родины — разгром фашизма.

На следующий день началась учеба и для Шинкаренко все было во многом не так, как в период его обучения до призыва в армию: помещения для занятий тесные, студентов намного меньше и в основном девушки и женщины, преподаватели тоже были другие, однако профессор Касаткин был, как всегда, королем аудитории. Сергей Николаевич, известный в ученом мире анатом, был прекрасным лектором, сухая наука о строении человека в его устах сдабривалась многочисленными примерами о необычном расположении органов у некоторых людей. Студенты с открытым ртом слушали рассказы о том, как у одной старушки врачи долго искали сердце, а оно оказалось справа, как почки сливаются в один орган, образуя в забрюшинном пространстве подкову, всех поразил случай о мужчине с двумя половыми членами. Лекции профессора никто не пропускал, их запоминали сразу и на всю жизнь. Не менее интересными были и практические занятия. Виталий начал понимать, что кое-что забыл, а может, плохо усвоил до службы в армии, но ему все-таки было

* Повторение — мать учения (лат.).

легче, чем его однокашникам, они зубрили днем и вечером, а иногда по ночам. Быстрее всех схватывал Олег Боголюбов.

— Ну и память у тебя! — восхитился как-то Виталий.

— К памяти, друг мой, нужно подключать и логическое мышление. Я заметил, что ты никак не можешь усвоить кровеносную систему. Давай с тобой порассуждаем. Где у нас находится сердце?

— Известно где, в грудной клетке, — ответил Шинкаренко.

— Значит, примерно на одну четверть от макушки и на три от пяток.

— Ну и что?

— Да то, что крупные сосуды от сердца должны уходить и вверх, и вниз. Аорта не зря дугу делает, отходя от левого желудочка. Скажи, откуда должны ответвляться сосуды к голове?

— Сейчас гляну в учебник.

— А ты не глядя подумай! Ну не от брюшной же аорты.

— От верхней части дуги аорты должны отходить! — воскликнул Шинкаренко.

— Ну, слава богу. А ты «в учебник посмотрю». Мозги включать надо, Виталик.

— Да пытаюсь я, но не всегда получается. Контузия, брат, не шутка. Я сейчас только убедился, как был прав наш декан Попов. На втором курсе мне, действительно, делать было нечего.

— Травма травмой, а логикой тебе заняться необходимо. Ты же офицер, друг мой, прежде чем в бой идти, необходимо все взвесить, многое предвидеть. В выбранной нами профессии тоже так, семь раз отмерь — один отрежь.

Дни мелькали незаметно, недели летели, месяцы шли быстрым шагом. В марте сорок пятого года стало ясно, что победа у ворот, наши взяли Кёнигсберг, до Берлина было рукой подать. В тылу люди тоже не дремали, заводы Сталинграда работали на полную мощность, выпуская не только оружие, но и стройматериалы для народного хозяйства, города и села поднимались из руин.

Студенты-медики работали на строительстве корпусов больницы № 9, каждый после занятий должен был отработать три-четыре часа подсобным рабочим, а мастерами были квалифицированные строители и так называемый спецконтингент, то есть наши солдаты, побывавшие у немцев в плену и проверившие на причастность к измене Родине. В один из дней второй половины марта студенты Шинкаренко и Боголюбов получили задание перенести доски и дранку для сооружения стен с площадки разгрузки в один из строящихся корпусов. Ребята взяли по две доски, зашли в помещение, Олег увидел мужика в черной робе, спускающегося вниз со стремянки, и обмолел:

— Серёга! Серёга Клюев! Это ты?

Мужик побежал навстречу Боголюбову, парни крепко обнялись.

— Сергей, дорогой ты мой! Живой, Серёжка! Здорово, дружище! А мне сказали, что ты погиб в тот же день, когда меня ранило. Я тебя и в девять, и в сорок дней поминал, и в годовщину. А ты живой!

— Как видишь, живой.

— Да мне же твой заместитель сказал, что тебя убило при бомбежке ваших позиций, что он сам видел, как лежал присыпанный землей и не подавал признаков жизни.

— Может, и не подавал, но когда немцы заняли наши укрепления, видно, стал подавать, они меня и пленили.

Шинкаренко тем временем принес новую партию досок.

— Познакомься, Виталья. Это мой друг по артиллерийскому училищу и однополчанин капитан Сергей Клюев.

— А ныне узник из лагеря специального назначения, плотник на этой стройке, — добавил Клюев.

— Перед тобой, Серёга, старлей матушки пехоты Виталий Шинкаренко, мой однокурсник по мединституту. Познакомились, братцы мои, вот и слава богу. А теперь, Виталик, тебе придется поработать за двоих. Не возражаешь? Давай, друг, выручай. Мы с Сергеем почти два года не виделись, хоть поговорим.

Два артиллериста присели в углу будущей больничной палаты и начали вспоминать свою юность, однако воспоминания длились недолго, лагерный конвоир свалился как снег на голову:

— Встать! — скомандовал сержант и, обращаясь к Олегу, спросил: — Вам неизвестно, что общения со спецконтингентом запрещены? Вы кто такой?

— Студент мединститута Боголюбов. Ты не горячись, сержант. Друга фронтového встретил, дай нам поговорить.

— Не положено.

— Ну, будь человеком. Всего пять минут.

— Не положено.

— Заладил себе: «не положено, не положено». Мы, в конце концов, два капитана.

— И что? Я и генералами командовал. Сказано, не положено, значит, не положено. Клюев, на выход!

Так и не успели рассказать два товарища по оружию друг другу о себе. Зато сержант доложил по команде и вскоре на допросы начали таскать заключенного Клюева и приглашать студента Боголюбова. Следовательно молодой толстый, как пузырь, лейтенант Нелюбин допрашивал Олега с

пристрастием, останавливая, перебивая, возвращая к началу разговора, что-то писал, переспрашивал. Боголюбов рассказал, как они с Клюевым вместе учились, как попали служить в один арtpолк и оба дослужились до должности командира дивизиона, Сергей гаубичного, он пушечного. Позже поведал об авианалете на гаубичников, о том, как их позиции сравняли с землей, досталось и пушкарям, его, Боголюбова, ранило в ногу, уже в госпитале ему рассказали, что Клюев убит.

— Ну, ладно, это все сказки про белого бычка, — хитро улыбнулся следователь. — Ты лучше расскажи, что тебе Клюев про плен рассказывал, как его немцы завербовали.

— Ничего такого я от него не слышал. Мы и поговорить-то толком не успели, нас конвоир прервал.

Нелюбин еще и еще раз заходил с одним и тем же вопросом и уже не просил, а требовал, чтобы Олег рассказал, как Сергея в плену завербовали немцы, но студент либо молча отрицательно качал головой, либо твердил, что темы плена они не касались. Когда следователь понял, что с Боголюбова взять нечего, он встал, как колобок прокатился по комнате туда-сюда, покашлял и произнес:

— Как говорил наш великий вождь Владимир Ильич Ленин, мы пойдем другим путем.

На следующий день к следователю был вызван Шинкаренко. Нелюбин с первых слов понял, что из этого парня можно выбить кое-какую информацию. Допрос длился часа четыре и, несмотря на то, что в начале Виталий убеждал следователя будто не слышал разговора Клюева и Боголюбова, лейтенант НКВД пытался повернуть все на свою сторону и, нужно сказать, ему это удавалось. Когда студент устал от одних и тех же вопросов, когда ему очень захотелось кушать, и он жаждал вырваться из лап назойливого «пузыря», его внимание притупилось, ему стало все равно, что и с кем происходило, вот тогда он, не читая, подписал протокол допроса с бреднями Нелюбина о том, что Клюева завербовали в немецкую разведшколу.

Нелюбин вдохновенно рассказывал о допросах начальнику отдела майору Виктору Красильникову, хвалясь своей победой и разоблачением еще одного врага Родины Клюева. Красильников внимательно читал протоколы, ни одна морщинка на его лице не дрогнула, когда он вникал в суть допроса Олега Боголюбова, друга детства, с которым жили в соседних подъездах дома по улице Лодыгина, что в Нижнем поселке тракторного завода. Майор не знал, что друг его был ранен, почти выздоровел и учился в медицинском институте, он читал и соображал, как вытащить товарища из дерьма, в которое его вталкивает бездарный «пузырь».

— Лейтенант Нелюбин, я должен вас похвалить за хорошо выполненную работу, но это только начало. Я поговорю с нашими контрразведчиками, пусть теперь они работают с Ключевым, выясняют, что за разведшкола, ищут явки агента. А вы распорядитесь, чтобы нашего узника из бекетовской строительной группы перевели в основной лагерь на тракторном, там с ним поработают. Ваши протоколы я передам в контрразведку, копии будут храниться в моей совсекретной папке.

Нелюбин покинул кабинет начальника довольным собой и тут же приступил к поискам новых врагов народа. Красильников с большим удовольствием избавился бы от этого надутого «пузыря», но не мог, уж больно высокие покровители стояли за спиной этого бездаря. А майор никаких контрразведчиков не предупреждал, да и глупо рассказывать о человеке, который был в плену три месяца, два из которых лежал в бараке без медицинской помощи и каким-то чудом выжил. Какая разведшкола?! Абсурд. Однако протоколы от греха подальше положил в секретную папку.

День Победы 9 мая 1945 года праздновали восторженно. Весь народ был на улицах и площадях израненного города. Люди ликовали, на лицах светилась радость. Сбылась мечта всего советского народа, сбылась одновременно, потому, как она была одна на всех — победить фашизм, раздавить эту сволочь, уничтожить в своем логове. Эта заветная и долгожданная мечта осуществилась. Победа! Наша Победа! Наша радость!

Вот в этот самый День Победы Красильников встретился с Олегом Боголюбовым, в то время, когда Нелюбин забыл о своем «подвиге» и совершал новые, раньше майор светиться не хотел, а подстраховка всегда выручала чекистов. За победителей выпивали в большой студенческой компании, было легко, как в довоенной юности, которую постоянно вспоминали. Посмотрел Красильников на студентов-фронтовиков, на их нерушимую дружбу, на их радость, вник в их мечты и планы и не стал портить Олегу настроение поклепом Шинкаренко, тем более Виталий показался ему простым, открытым парнем, ни как не похожим на клеветника. О протоколах Виктор решил рассказать другу позже, но при прощании посоветовал:

— Присмотрись внимательней к друзьям, Олежка, это не помешает. Особенно к Виталию присмотрись, ведь иногда простота бывает хуже воровства.

— «И вечный бой, покой нам только снится». Неужели поэт сказал это о вас, чекистах. Есть, товарищ майор, присмотрюсь. А ты почаще к нам приходи, а то я стараюсь стороной обходить вашу контору.

— Не бойся, защитим, главное, болтай поменьше.

Друзья обнялись на прощание. Чекист ушел, а студенты продолжали праздновать весь день, имели право, они тоже внесли свой вклад в Победу Родины. Уже поздним вечером изрядно подвыпившие ребята ввалились в буфет на станции Бекетовка, принять по чуть-чуть на ночь. Выгребли из карманов последние деньги, и Шинкаренко пошел делать заказ:

— Шесть раз по сто и пирожок.

— Тут на четыре пирожка хватит, товарищ офицер, не знаю, кто вы по званию.

— Старший лейтенант, красавица.

Девушка за стойкой буфета была действительно хороша, стройна, ясноглаза, быстра и весела. Она шустро разлила водку по рюмкам и скомандовала:

— Товарищ старший лейтенант, к столу шагом марш, я сама обслужу фронтовиков.

Виталий не успел присесть на стул, как на столе оказалась водка и тарелка с шестью пирожками.

— Ну вот! А говорила, четыре.

— Два пирожка — это мои поздравления вам, победителям.

— Спасибо, моя хорошая! Зовут-то тебя как?

— Нина. А вас?

— Виталий. Виталий Шинкаренко.

— Очень приятно, Виталий! — Нина улыбнулась, и студентам показалось, что тусклая лампочка, освещающая зал буфета, стала ярче.

Ребята по-быстрому «махнули» по сто, зажевали пирожками и уже было собрались уходить, как у стола появилась Нина. Она зашла со стороны Виталия и, нагнувшись, поставила на стол стаканы с чаем и немного сахара. Разгибаясь, девушка, будто невзначай, коснулась грудью плеча старлея и, не спеша, стараясь продемонстрировать свои женские прелести, пошла за стойку буфета.

— Да, Виталька, по-моему, ты покоришь сердце буфетчицы. Придется тебе за чай рассчитываться, — подытожил Боголюбов.

Щеки Шинкаренко слегка подернулись румянцем, он еще не мог оправиться от ощущения прикосновения женщины, он готов был расплачиваться прямо сейчас.

Студенты допивали горячий чай, а Нина громко объявила:

— Буфет закрывается, я и так два часа пререработала в честь дня Победы.

Двое мужиков, сидевших за угловым столиком, поднялись и, покачиваясь, направились к выходу. Засобирались и студенты. Виталий не знал, что ему делать, поднимался, потом опять садился на стул.

— Всем на выход, завтра с утра занятия, отдыхать пора, — скомандовал староста.

Шинкаренко поднялся вместе со всеми.

— А ты куда собрался, отличник учебы? Кто за чай расплачиваться будет? Неужто Пушкин? — осадил его Олег.

Виталий развернулся и направился к стойке буфета, а Нина только этого и ждала.

— А ты догадливый, Виталий. Молодец!

Нина быстро задвинула засов на входной двери, поставила на стол две рюмки, водку, немного колбасы и хлеба.

— Присаживайтесь, товарищ старший лейтенант, познакомимся поближе.

Знакомство, особенно его вторая часть, было бурным. В подсобном помещении буфета стоял топчан, на котором в перерывах отдыхали буфетчицы, так вот, это наспех сколоченное сооружение до утра скрипело, но выстояло, не развалилось.

На следующий день Виталий выглядел опустошенным, сидел молча и почти ни на что не реагировал. Товарищи старались его не трогать, а преподаватели не делали замечаний, все-таки День Победы праздник святой, праздник великий. С тех пор Шинкаренко стал часто посещать стационарный буфет, они близко познакомились с Ниной, им хорошо было вдвоем, они чувствовали друг друга на расстоянии, сопереживали и радовались вместе. Приняла Виталия и дочь Нины, которой было шесть лет, родилась она в мае тридцать девятого, а папа ее погиб в сорок втором году.

Сдав летнюю сессию, Шинкаренко поехал домой в Николаевскую слободу, помогать родителям. Работал Виталий, не перегружая себя. Скирдовал сено, заготавливал с отцом дрова, растил с матерью овощи и делал заготовки на зиму. Каждодневный нетягостный труд, купание в Волге по вечерам оздоравливали и приносили хорошее настроение. Постепенно из головы парня уходила тревога о тяжелых последствиях контузии, их просто не было, организм, как юности, был полон энергии, силушка с каждым днем прибывала.

Вере удалось несколько раз завлечь студента к себе. Но встречи их не были горячими. В самые сокровенные моменты Виталий вдруг вспоминал Нину, страсть исчезала, все опускалось внутри и снаружи, и он бежал от Веры. Женщина все понимала, хотя грыз ее душу червь сомнения, порой вспыхивала злость, но это скоро прошло. А Карп Петрович сказал жене:

— Ну, что я тебе говорил, Галю? Сынок-то наш Верке отлуп дал. Ни, не таку жинку нашему Виталику треба. Чую, серденьком своим чую, буде у него краля высокого полета.

— Да нам наплевать на полет. Треба, чтоб жинка его кохала, да нас хоть трохи уважала.

Незаметно для всех пролетел июль, Виталий начал сборы.

— Ты шо, сынку, так рано уехать хочешь, еще весь август впереди?

— Мама, я первого августа должен быть в институте, работать будем на стройках, Сталинград восстанавливать.

Студенты встречались после короткой разлуки, как родные, делились рассказами о доме, о родственниках. Один Олег Боголюбов из общежития не уезжал, некуда было, дом его в Нижнем поселке тракторного был полностью разрушен войной, там же погибли отец и мама. А младшая сестра и родная тетка жили в подвале большой «сталинградской семьей», где были вдовы женщины и их дети, где все общее — и обувь, и одежда, и радость, и горе. Олег радовался приезду ребят, все не один, есть с кем поговорить, с кем поделиться. Начались трудовые будни, веселые вечера, радовались, от того что город поднимался, рос, преображался, становился еще краше чем был.

Жизнь постепенно входила в мирное русло, хотя трудовые будни были не легче, чем фронтовые. Трудились по двенадцать часов в день, иногда и больше, с учетом дополнительных работ на строительстве и благоустройстве. Однако молодость, задор и мечты о будущем стирали на нет всю усталость, все рвались только вперед, только к победам.

В сентябре начались занятия, Виталий все реже и реже бывал в общежитии. После учебы подготовится с ребятами к следующему дню и бегом к Нине, которая всегда ждала, которая любила. Студенты уже собирались вынести койку Шинкаренко из комнаты, все свободней будет, но староста возразил:

— Подождите, друзья мои, время трет камни, вода их точит. Кто из вас может сказать, что будет завтра? Все в жизни бывает, даже снег в начале лета выпадает. Не спешите, поживем, увидим.

А время шло. Веселой студенческой компанией встретили Новый 1946 год. На празднике блистала Нина, расцветшая, как маков цвет, что случается с женщинами до тридцати лет при хорошем муже. Она заметно выделялась на фоне застенчиво-угловатых студенток. Нина понимала, что королева бала она, ее очи блестели, что туманило сердца парней. Виталий очень гордился любимой женщиной, не отходил от нее ни на шаг, девушек-однокурсниц он просто не замечал.

Началась зимняя сессия, Шинкаренко вернулся на свою койку в общежитии, вместе с друзьями готовились к экзаменам. Одним поздним вечером, когда уже все похрапывали во сне, Олег услышал, что Виталий, ворочается с боку на бок и вздыхает.

- Что не спишь, Виталик? Скучаешь по любимой?
- Почти угадал. Я уже готов подняться и бежать к ней.
- Пойдем-ка покурим, друг мой, заодно и поговорим. Вышли из комнаты, на лестничной площадке закурили.
- Ты что на Нине жениться собрался?
- Еще не решил, но тянет меня к ней, как магнитом тянет.
- Тянет, так женись.
- Легко сказать: женись. А жить где? А семью на что содержать? Да и старше она меня на три года плюс дочь у нее растет.
- Так ты весь в сомнениях, товарищ старший лейтенант? Ну, сомневайся-сомневайся, тяни резину. Для женщин неопределенность — самая страшная штука. А если она сама начнет действовать?
- Что значит «сама начнет?»
- У женщин есть проверенный способ, забеременеет и поставит тебя перед выбором. Не согласишься с ней, она в партком, вот тогда вы, товарищ Шинкаренко, кандидат в члены ВКП(б), должны решить, быть вам с Ниной и партбилетом или без того и без другого.

Виталий мочал, жадно затягивался папиросой, докурил, прикурил другую.

— Раз тебя грызут сомнения — рви. Если сейчас мечешься, дальше, при первых семейных трудностях полное разочарование наступить может. Думай, дружок, думай.

Докурили, легли в постели, но Шинкаренко так и не спал всю ночь. Дня три Виталий ходил мрачный и черный, как осенняя туча.

Экзамены сдали успешно, Виталий зашел сказать Нине, что увидится нескоро, он уезжает домой за харчами.

Зимние каникулы короткие, а путь зимний не прост, снегу в тот год навалило много, сугробы на замерзшей Волге и на дороге. Путь домой на перекладных занял два дня, это не летом, когда сел на пароход рано утром, а к вечеру дома.

В кругу семьи студент оттаял, расслабился, любовные заботы ушли на второй план. Несколько дней Виталий валял дурака, но тут подвернулась попутная машина до Сталинграда. Родители снабдили сальцом, мясом, мороженой рыбкой, прыгнул Виталий Карпович в кузов, завернувшись в тулуп и с ветерком покатил в город. Олег, как всегда, был на месте, встретил, попиروвали, а на следующий день Шинкаренко опять загрустил.

- Что, Виталенка, не весел? Что головушку повесил?
- А ты будто не знаешь. Вот сомневаюсь, идти к Нинке или нет.
- Я тебе уже говорил, раз сомневаешься, значит, нет.
- Тебе легко сказать, а меня мука душевная гложет.